

— Это Нефритовый нектар, предназначенный для императора. Надеюсь, он не разочарует старшего брата.

Шэнь Мянью ничего не ответил, но не отказался от вина. Он поднёс чашу к губам и сделал небольшой глоток. Аромат вина был опьяняющим, капли влаги на лепестках его губ казались ещё более соблазнительными. Его выражение было холодным, но в нём чувствовалась особая изысканность.

Цзи Чанли слегка потемнел взглядом, выпил свою чашу и сказал:

— Это вино изготовлено самым знаменитым виноделом империи, собравшим росу с духовных гор и использовавшим чистую энергию для его создания. Первый глоток кажется прекрасным, но последствия сильны. Обычные люди называют его «Тысячедневным опьянением». Даже самый крепкий человек, выпив одну чашу, будет пьян тысячу дней.

— Даже практикующие слегка пьянеют и остаются в таком состоянии полдня.

Он посмотрел на ясные глаза Шэнь Мянью и искренне сказал:

— Старший брат, у тебя крепкая голова.

Шэнь Мянью поставил пустую чашу на стол и после долгого молчания наконец произнёс:

— Где он?

Цзи Чанли приподнял бровь, уголки его губ изогнулись в холодной улыбке:

— Давно не слышал, как старший брат говорит со мной. Это так приятно.

Шэнь Мянью поднял глаза и повторил:

— Где он?

Цзи Чанли ответил:

— Если бы не он, ты бы никогда не сказал мне ни слова?

Шэнь Мянью замолчал, его пальцы скользили по краю нефритовой чаши. Его движения были небрежными, но взгляд словно устремлялся вдаль, думая о ком-то другом.

Цзи Чанли взял руку Шэнь Мянью, держащую чашу, и налил в неё ещё вина.

Шэнь Мянью пристально смотрел на него, молча выпивая вино.

Его взгляд был полон презрения, словно насмехаясь над попыткой Цзи Чанли опьянить его.

Цзи Чанли продолжал молча наливать вино, наблюдая, как Шэнь Мянью выпивает одну чашу за другой.

Он не ожидал, что Шэнь Мянью окажется таким стойким, но он подносил ему вино не для того, чтобы опьянить, а потому что его манера пить была невероятно привлекательной.

Чем больше он пил, тем спокойнее и холоднее становился, и Цзи Чанли тоже начал пьянеть.

Когда на щеках Шэнь Мянэ появился лёгкий румянец, Цзи Чанли наконец перестал наливать, но продолжал держать его руку.

Шэнь Мянэ немного пришёл в себя и спросил:

— Теперь скажешь?

Цзи Чанли приблизился к нему, вдыхая аромат вина, исходящий от его дыхания. Его сердце дрогнуло, но на лице появилась зловещая улыбка:

— Я ничего не обещал старшему брату. Ты выпил несколько чаш, а теперь требуешь рассказать о местоположении Повелителя демонов. Это нечестно.

Шэнь Мянэ нахмурился, вырвал руку и повернулся, чтобы уйти.

Цзи Чанли шагнул вперёд, преграждая ему путь.

Шэнь Мянэ всё ещё был в сознании, но опьянение давало о себе знать, его шаги стали неуверенными. Цзи Чанли заметил это, обнял его и прижал к себе.

Цзи Чанли сказал:

— Между нами действительно нет других тем для разговора, кроме него?

— Если ты не скажешь, где он, то нам не о чем говорить, — тихо произнёс Шэнь Мянэ.

Цзи Чанли наклонился ближе, чтобы услышать его слова. Тепло дыхания Шэнь Мянэ проникало в его ухо, вызывая зуд. Он вдруг повернул голову, и губы Шэнь Мянэ коснулись его щеки.

Нежное прикосновение, смешанное с ароматом вина, было более опьяняющим, чем когда-либо.

Шэнь Мянэ слегка нахмурился, пытаясь отстраниться, но рука Цзи Чанли на его поясице не позволяла ему уйти, лишь прижимая его сильнее.

— Старший брат, ты украл поцелуй, — Цзи Чанли обвинил его.

Шэнь Мянэ не стал спорить, в его глазах появилось раздражение:

— Отпусти.

Цзи Чанли ответил:

— А если я не отпущу? Что ты сделаешь? Твой возлюбленный Повелитель демонов сможет тебя защитить?

Шэнь Мянэ сжал губы, отведя взгляд.

Цзи Чанли наконец держал его в своих руках, не позволяя ему сбежать, но в душе чувствовал, что чего-то не хватает.

Потому что в этих глазах всё ещё не было его. Даже когда он был прямо перед ним, он не обращал на него внимания.

Его взгляд стал холоднее, он тихо сказал:

— Я знаю, о чём ты думаешь. Наставник так любит тебя, что сделает всё, чтобы защитить. Но знает ли он о твоих отношениях с Повелителем демонов? Знает ли он, что ты добровольно позволил тому демону использовать тебя для лечения? Знает ли он, что вы совокуплялись в священном Божественном чертоге?

Чувствуя, как хрупкое тело в его руках дрожит, а красивое лицо бледнеет, Цзи Чанли почувствовал лишь усиливающееся раздражение.

Шэнь Мянью спросил:

— Как ты узнал...

— Как я узнал? — Цзи Чанли посмотрел на него, изо всех сил подавляя ревность и ненависть в глазах, и как можно спокойнее произнёс:

— Божественный чертог признал меня хозяином. Если я хочу знать, я могу узнать.

— Если ты не хочешь, чтобы наставник узнал об этих грязных делах, оставайся рядом со мной и никуда не уходи.

Произнося эти слова, его глаза были полны тьмы. Цзи Чанли чувствовал себя жалким и смешным.

Он использовал такие низкие методы, чтобы удержать человека, который никогда не ценил его.

Шэнь Мянью опустил глаза:

— Если тебе так нравится мучить меня, почему бы просто не убить меня?

— Ты прав.

Цзи Чанли кивнул, серьёзно сказав:

— Я много раз думал о том, чтобы убить тебя. Но почему ты спас меня в тот день в Божественном чертоге?

— Если бы ты не спас меня тогда, я бы не колебался. Но ты проявил милосердие, и это сделало меня слабым. Это твоя вина, старший брат.

С этими словами он сжал подбородок Шэнь Мянью, глядя в его красивые глаза, на слезную мушку в уголке глаза. Эта прекрасная внешность, сколько бы раз он на неё ни смотрел, всегда поражала.

Он видел много красавцев, более послушных, покорных, любящих его. Если бы он захотел, он мог бы иметь любого.

Но почему-то он не мог отпустить этот холодный камень.

Он сдался, грубо поцеловав розовые губы, преследуя язык Шэнь Мянью, который пытался уклониться. Он высасывал сладкий нектар, смешанный с ароматом вина, пока слёзы не выступили на глазах Шэнь Мянью. Лишь тогда он стал немного мягче.

Наконец, он остановился, слизывая слюну с уголков губ Шэнь Мяня.

Человек в его объятиях закрыл глаза, опьянённый Нефритовым нектаром. Его щёки были румяными, но выражение лица оставалось холодным, словно отталкивающим.

Если бы в мире существовали яшмовые камни из Небесного озера или бессмертные из снега, они, вероятно, были бы такими, как он — вызывающими тоску, но когда держишь их в руках, кажутся ненастоящими.

Цзи Чанли подумал, как он может не любить его, если этот человек никогда не давал ему другого выбора.

Пик Меча.

Шэнь Цзюнь спросил:

— Ты действительно уверен в своём решении? У тебя были разногласия с младшим братом Цзи, и в прошлом... всё было улажено не лучшим образом. Теперь он хочет жениться на тебе, но это точно не из любви. Я не одобряю этот брак.

Шэнь Мянй проспал всю ночь, теперь пришёл в себя, но не мог вспомнить, что произошло прошлой ночью. Он лишь смутно помнил, как его насильно поцеловали перед тем, как он потерял сознание, и не знал, сделал ли тот что-то ещё.

У практикующих было преимущество: даже после бурной ночи, приняв пилюлю и нанеся немного духовной росы, они восстанавливались как ни в чём не бывало.

Он потер виски и сказал:

— Я знаю, что младший брат всё ещё злится на меня. Но я был неправ в прошлом. Если он хочет, чтобы я женился на нём, чтобы унижить меня, то у меня нет другого выбора.

Шэнь Цзюнь нахмурился:

— Если ты не хочешь, я буду защищать тебя до конца. Ты уже разрушил своё Изначальное ядро, чтобы искупить прошлое. Тебе не нужно больше уступать ему.

Шэнь Мянй, услышав это, почувствовал тепло и улыбнулся:

— Я верю тебе, отец. Но Пик Меча в последние годы стал слишком влиятельным в секте, а ты — старшим наставником, обладающим большой властью. Много глаз наблюдают за тобой, многие ждут, когда ты совершишь ошибку. Если ты будешь упорно защищать меня, это повредит твоей репутации.

Шэнь Цзюнь ответил:

— Репутация практикующего — как облака. Главное — быть честным перед собой и перед великим путём.

<http://bllate.org/book/15553/1415115>